

Глубокая ночь окутала горы, и верующие, совершив обряды, постепенно покинули храм.

Чу Чжаохуай изнывал от усталости, но возвращаться в покои не спешил. Цзи Сюнь был из тех людей, для кого не существовало преград и запретов: если он посмел назвать великую обитель «лачугой», то кто знает, не вздумается ли ему осквернить святое место какой-нибудь внезапной прихотью?

Юноша медлил, обходя один алтарь за другим, покуда не поклонился, кажется, всем божествам храма Хуго. Но как бы он ни оттягивал миг возвращения, идти всё равно пришлось.

«Впрочем, — рассудил он, пытаясь приободрить себя, — Цзи Сюнь годами принимает тяжелые снадобья. Вполне вероятно, что он давно страдает мужским бессилием. Даже если у него и возникнет желание, сил на его исполнение точно не хватит»

Успокоив себя этой мыслью, Чу Чжаохуай с понурым видом побрел в келью.

Князь сидел на ложе, лениво подперев подбородок ладонью и переговариваясь с личным гвардейцем. В этом человеке не было ни капли смирения или веры, но сейчас он притворно устроился на монашеской постели, скрестив ноги, точно для медитации. Полы его одеяния были небрежно распахнуты, осанка оставляла желать лучшего, а в пальцах он рассеянно перебирал четки.

Заметив надутую юношу, Цзи Сюнь вскинул бровь и с усмешкой спросил:

— Ванфэй закончил бить поклоны Будде?

— Угу, — буркнул тот в ответ.

В глазах мужчины что-то промелькнуло — быть может, проснувшаяся совесть, — и он произнес почти по-человечески:

— Молиться посреди ночи... Такая искренность заслуживает награды. Наверняка все небожители и бодхисаттвы помогут Ванфэй обрести желаемое.

Чжаохуай, которого раздражал даже малейший намек на сарказм в его голосе, снова ответил коротким «угу» и поспешил скрыться за ширмой, где стояла кушетка.

Князь явно не обсуждал ничего секретного, так как не стал высылать супруга. Из-за ширмы до юноши доносились отчетливые слова стража:

— ...Именно так, господин. Мои «орлиные очи» всё видели в точности: слезы были искренними, печаль — безмерной.

Цзи Сюнь перевел взгляд на лежащие на коленях «Записки о ванфэй», где тушь еще не успела просохнуть.

«Чушь несусветная», — заключил он про себя.

Он перечитал строку еще раз.

Чжаохуай спит и видит, как бы сбежать из усадьбы и избавиться от него. С чего бы ему впасть в отчаяние из-за дурного жребия, сулящего болезнь мужу?

...И еще один раз.

Цзи Сюнь холодно закрыл тетрадь и с издевкой посмотрел на подчиненного:

— Ты уверен, что он не проливал слезы радости от такого предсказания?

Гвардеец замялся:

— Но... на лице его не было и тени улыбки. Он едва ноги волочил и ни на что не обращал внимания. Истинная скорбь, Ванье.

Взгляд князя стал ледяным. Мужчина почувствовал, как по его спине градом покатился пот.

...А затем он увидел, как господин снова открыл «Записки» и принялся читать их по новой.

Чу Чжаохуай умылся и повесил платье на вешалку, вполуха прислушиваясь к обрывкам разговора.

«О какой такой скорби они толкуют?» — мелькнуло в голове.

Но он тут же отмахнулся. Его это не касалось.

Сняв верхнее платье и оставшись в легком нижнем белье, юноша забрался под одеяло и принялся призывать сон. В комнате стояла жаровня, и хотя здесь было не так жарко, как в усадьбе, тепла вполне хватало, чтобы не дрожать от холода.

«С его конституцией Цзи Сюню наверняка станет здесь слишком душно, — думал Чжаохуай,

успокаивая себя. — Скорее всего, он не выдержит и переберется в другие покои»

Мысли о недугах князя подействовали как снотворное. Тело расслабилось, и юноша уютно устроился под мягким одеялом. Ткань казалась необычайно нежной, точно дорогой шелк — не чета обычному храмовому убранству.

«Неужто из усадьбы привезли?»

Размышляя об этом, он наконец погрузился в тяжелую дрему.

Внезапно легкий прогиб постели, точно упавший камень, вызвавший лавину, заставил Чжаохуая вскинуться. Он резко открыл глаза и, поддавшись инстинкту, с силой лягнул того, кто покусился на его покой.

Хлоп!

Холодная, точно камень, рука мертвой хваткой перехватила его лодыжку. В полумраке раздался мягкий голос Цзи Сюня:

— Это я. Не бойся.

Чу Чжаохуай: «...»

«Тебя-то я и боюсь»

Цзи Сюнь уже погасил свет. Он заботливо подоткнул одеяло, которое юноша едва не сбросил, и негромко, почти ласково прошептал:

— Будь паинькой. Спи.

Рассудок Чжаохуая вопил, требуя бодрости, но тело окончательно сдалось. Голова бессильно склонилась набок, веки, несмотря на отчаянные попытки, сомкнулись под тяжестью неборимой усталости. Уголки глаз намокли от выступивших слез, и эта затаенная в глубине души обида, воспользовавшись беспамятством хозяина, вырвалась наружу тихим сонным бормотанием:

— ...Я тебя не люблю.

Рука Цзи Сюня на миг замерла.

«Даже ругаться толком не умеет»

В темноте не было видно лица князя. Он не ответил, лишь коротко усмехнулся и, прилег на самый край кровати, не снимая одежду, прикрыл глаза.

Постель была не слишком широкой. Чжаохуай спал, буквально прижавшись к стене, оставляя между собой и гостем изрядное пространство. Но стоило ему окончательно провалиться в глубокий сон, как он, пробормотав что-то невнятное, резко перевернулся и ударил пяткой прямо в ногу Цзи Сюня.

Князь, привыкший на поле боя всегда быть начеку, мгновенно очнулся.

Чжаохуай пнул его еще раз. Почувствовав преграду, он снова задвигал ногами и забормотал на цзяннаньском диалекте. Смысл его слов сводился к одному:

— Кто это?.. Кто в моей постели? Не смейте красть мои деньги...

Цзи Сюнь: «...»

Прежде им не доводилось делить ложе, и он никак не ожидал, что Ванфэй спит так беспокойно.

Юноша снова крутанулся, не переставая ворчать во сне:

— Не хочу пампушек с овощами... У меня есть деньги! У меня правда много денег...

Мужчину снова охватило знакомое чувство бессилия перед этим созданием. Он потянул сброшенное одеяло и закутал в него юношу.

«Деньги, одни только деньги на уме, даже во сне»

Вся его жизнь с самого рождения прошла среди интриг, предательств и борьбы за власть. Даже под защитой Нин-вана он не раз едва не погиб от рук своих же людей. Он никогда не встречал никого подобного Чжаохуаю — человека без двойного дна, прозрачного, как его собственное имя.

Свежего и живого, как лесной ручей.

В тишине ночи Цзи Сюнь смотрел на раскинувшегося во все стороны юношу и осторожно провел пальцами по его лицу, касаясь бровей и век.

«Чистый поток не принадлежит какому-то одному руслу. Но если нельзя удержать в горсти хрустальную воду, что мешает возвести высокие плотины? Пусть она будет заперта в пруду,

полном ила — даже так она останется прекрасной»

Чжаохуай снова что-то пробормотал, собираясь перекатиться обратно. Цзи Сюнь тут же отдернул руку.

За время своих метаний юноша растерял всё тепло, накопленное под одеялом. Почувствовав холод, он инстинктивно потянулся к единственному источнику жара на постели.

Мужчина замер.

Чжаохуай уткнулся ему в грудь, обхватив руками его талию, точно подушку. Оказавшись в кольце тепла, он довольно расслабился и перестал ворчать о деньгах. Ему, должно быть, снилось что-то чудесное, ибо на губах заиграла легкая улыбка.

— Будда услышал молитвы... — прошептал он во сне.

Угомонившись, он окончательно затих, свернувшись калачиком в объятиях супруга.

Цзи Сюнь ошеломленно смотрел на него.

У князя ледяными были только руки; жар лихорадки превращал его тело в раскаленные угли. Тело же Чжаохуая, измученное вечными болезнями, было прохладным, точно нефрит. Прижавшись к его обнаженной груди, юноша словно потушил бушевавший в нем пожар.

Вечный зной, терзавший Цзи Сюня, на миг отступил. Глядя на спящего юношу, князь невольно вспомнил слова Чжоу Хуаня:

«Будь я влюблен, а меня бы пешкой в игре выставили... Даже если мне от того польза — всё равно бы сердце болело»

Чу Чжаохуай редко спал так сладко.

В горах было куда холоднее, чем в городе, а жар от углей в храме был не таким сильным, и он боялся, что проснется от стужи. Но едва он открыл глаза, как увидел, что за окном уже рассвело. Тело было согрето, и он чувствовал себя превосходно.

Ему захотелось еще немного подремать. Он потерся щекой о «подушку», которую обнимал, и счастливо зажмурился.

Но сон не шел. Чжаохуай почувствовал какую-то странность и принялся рассеянно ощупывать кровать.

«Откуда в келье такая подушка?»

Пальцы коснулись чего-то мягкого и теплого, а когда скользнули ниже, наткнулись на твердый рельеф мышц.

«Что это? Еще разок...»

Рука опустилась еще ниже и коснулась шероховатой ткани бинтов.

Чжаохуай вздрогнул всем телом и мгновенно пришел в себя. Сознание, точно вспышка молнии, осветило страшную правду. Он замер, превратившись в соляной столп, и лишь спустя долгое время решился приоткрыть один глаз.

Взору его предстала бледная мужская грудь, испещренная шрамами, рельефный живот и его собственная лапа, которая, запутавшись в марлевых повязках, уже всюду ощупывала чужое тело.

Чу Чжаохуай: «...»

Сверху раздался ленивый голос Цзи Сюня:

— Как же Ванфэй распущен...

В ушах у Чжаохуая зазвенело. Он в ужасе поднял голову.

Цзи Сюнь сидел, прислонившись к изголовью, и с едва приметной усмешкой взирал на него.

Перед глазами у юноши потемнело. Он готов был провалиться сквозь землю.

— Ва-ва-ва... Ванье! — от испуга его голос сорвался на заикание.

— М-м? — князь и не думал прикрываться, выставляя напоказ свою наготу. — Хочет ли Ванфэй что-то сказать в свое оправдание? Я внимательно слушаю.

Чу Чжаохуай: «...»

Сгорая от стыда, юноша почувствовал, как лицо заливают пунцовая краска. Он никогда не

отличался красноречием, а сейчас и вовсе лишился дара речи. В голове билась лишь одна мысль.

Бежать.

Ванфэй в мгновение ока вскочил, набросил одеяние и, точно заяц, вылетел вон.

Инь Чжуншань и Чжоу Хуань, несшие караул, переглянулись, увидев пунцового Чжаохуая. А вслед за ним из комнаты донесся раскатистый смех князя.

Звук этот был так похож на торжество удачливого соблазнителя, что Ин-тунлин проворчал под нос:

— Точно довел парня. Неужто и в храме не удержался? Прости нас, Будда...

Чу Чжаохуай готов был расплакаться от унижения. Ему казалось, что пальцы до сих пор хранят жар кожи Цзи Сюня. От этого ощущения кончики ногтей нестерпимо зудели, и ему хотелось отрубить себе правую руку.

Не разбирая дороги, он поспешил на поиски Цзи И.

Но на полпути он понял, что заблудился. Только он собрался повернуть назад, как чья-то рука резко зажала ему рот. Пахнувшая лекарствами ладонь надежно пресекла крик, и его силой потащили в сторону.

Зрачки Чжаохуая сузились от ужаса, он отчаянно забился:

— М-м-м!

Неизвестный был гораздо сильнее и выше. Он без труда затащил юношу в пустую келью.

Чу Чжаохуай затаил дыхание. Стоило руке исчезнуть, как он уже готов был швырнуть в лицо обидчику ядовитый порошок. Но рука замерла на полпути.

— ...Дядя?

Перед ним стоял Бай Хэчжи.

Несмотря на день, он был одет в черное. Хмурясь, он внимательно осматривал племянника с головы до ног.

Чжаохуай еще не пришел в себя после утреннего потрясения. Всё происходящее казалось ему дурным сном.

— Дядя, почему вы здесь?.. — пролепетал он.

Бай Хэчжи взял его за правую руку и осторожно повернул ладонь, разглядывая поврежденные пальцы:

— Как ты это получил?

— А? — Чжаохуай всегда побаивался сурового взгляда дяди, а потому замялся: — Да так... случайно задел. Скоро пройдет.

Морщины на лбу Бай-юаньши прорезались глубже:

— К тому же ты похудел.

Чжаохуай недоуменно моргнул. Последний раз дядя видел его три года назад — откуда ему знать, прибавил он в весе или убавил? Ему-то казалось, что в усадьбе Цзин-вана он даже округлился.

Заметив испуганный взгляд племянника, Бай Хэчжи смягчил голос:

— За тобой следят. Пришлось действовать так грубо, не взыщи.

— Понимаю, — юноша часто закивал, не смея перечить.

При каждой встрече в семье Бай он вел себя так же: не смел приближаться, ничего не просил, боясь обременить родню хоть словом.

Бай Хэчжи глубоко вздохнул:

— Чжаохуай, каково тебе в усадьбе Цзин-вана?

Юноша замер, а затем послушно кивнул:

— Хорошо. Ванье добр ко мне. Кормит, одевает... даже рыбу для меня ловил.

Сердце Бай-юаньши сжалось от горечи. Он знал, что племянника отдали вместо другого. Цзи Сюнь — человек нрава бешеного, и всю свою ярость он наверняка вымещал на невинном Чжаохуае.

Юноша, никогда не видевший дядю таким, робко спросил:

— Дядя, что с вами?

— Ничего, — Бай Хэчжи вытащил из рукава нефритовый флакон и вложил ему в руку. — Возьми.

Дядя всегда привозил ему из столицы лакомства и ждал, пока он всё съест. Чжаохуай решил, что и в этот раз во флаконе сладости, и с радостью принял подарок.

...Но Бай Хэчжи произнес:

— Это яд.

Рука Чжаохуая дрогнула:

— Что?

— Будь умницей, спрячь и не смей показывать Цзи Сюню. — Услышав шаги за дверью, Бай-юаньши понизил голос до шепота: — Я найду способ вызволить тебя. Вернешься в Линьань или уедешь куда захочешь. Если Цзи Сюнь обидит тебя — подсыпь это ему в еду. Смерть наступит мгновенно.

Чжаохуай окончательно растерял волю к словам:

— Дядя, о чем вы говорите...

Бам! Бам! Бам!

В дверь кельи неистово застучали:

— Ванфэй! Ванфэй, вы внутри?

Бай Хэчжи раздраженно цыкнул и подтолкнул племянника к выходу:

— Иди. Не дай им заподозрить неладное.

Чу Чжаохуай в полнейшем смятении покинул комнату. Тёмный страж, ответственный за «Записки о ванфэй», увидев, что юноша цел и невредим, шумно выдохнул и бросился навстречу:

— С Ванфэй всё в порядке?

Чжаохуай инстинктивно спрятал флакон в рукав и постарался придать голосу твердости:

— Зачем ты преследуешь меня?

Аньвэй замялся:

— После того как на вас напали разбойники, Ванъе очень беспокоится о вашей безопасности.

Чжаохуай замер. Он не привык, чтобы о нем заботились, и даже такая малость заставила его сердце дрогнуть. Он неловко опустил голову:

— Понятно.

Пройдя несколько шагов, он обернулся к келье и закусил губу.

Бай Хэчжи никогда не был с ним ласков. В первый год его жизни в Линьане он подарил ему маленькую нефритовую рыбку, но кузены быстро ее отобрали. На второй год дядя, не увидев подарка, видимо, обиделся и с тех пор приносил только еду.

Чжаохуай радовался и этим крохам, но в душе всегда горевал: ему казалось, что он подвел дядю, не уберег рыбку, и потому тот перестал дарить ему вещи.

Но теперь он видел: дядя всё еще помнит о нем. Вон как глаза покраснели от волнения.

В первый день нового года настроение Чу Чжаохуая было прекрасным как никогда. С улыбкой на лице он отправился на поиски Цзи И, чтобы поесть постных пельменей.

Но едва он дошел до переднего двора, как нос к носу столкнулся со старым знакомым.

Мир тесен — перед ним стоял Чу Чжаоцзян.

За те несколько дней, что они не виделись, тот осунулся и похудел так, что его едва можно было узнать. От бывшего спесивого задиры не осталось и следа. На правой руке у него была перчатка, под которой угадывались очертания бинтов.

Чжаохуай не сразу сообразил, в чем дело, но потом вспомнил слухи с пира: Цзи Сюнь велел отрубить ему пальцы.

Указательный и средний...

Сердце юноши екнуло.

«Так ему и надо!»

Он не был святым. Видя, как его мучитель получил по заслугам, Чжаохуай не смог сдержать улыбки. Да и не хотел сдерживать — радость сама собой расцвела на его лице.

Чу Чжаоцзян, видимо, искал встречи. Заметив брата, он вспыхнул ненавистью и быстрым шагом направился к нему.

Чжаохуай остался на месте, продолжая насмешливо улыбаться.

Глаза Сяо-хоуе лихорадочно блестели. Он сжал левый кулак, замахиваясь для удара.

Тёмный страж за спиной Ванфэй едва заметно шевельнулся.

Чжаоцзян замер.

Он слишком хорошо помнил узоры на одеждах Аньвэй Цзин-вана. Тогда он на коленях молил о пощаде, но те люди безжалостно исполнили приказ. Тень бывшего ужаса накрыла его. Кулак разжался, и он, пошатываясь, отступил.

Чжаохуай даже расстроился.

«Чего же ты? Я-то надеялся, что ты дашь повод проучить тебя как следует»

Заметив издевку на лице брата, Чу Чжаоцзян процедил:

— Наверняка в душе ты потешаешься надо мной.

— Зачем же в душе? — мягко отозвался юноша. — Я смеюсь над тобой открыто.

Чу Чжаоцзян: «...»

Он до боли сжал челюсти:

— Смейся сколько влезет. Мне нужно поговорить с тобой. Наедине.

Чжаохуай вскинул брови:

— Что ж, излагай.

Страж засомневался:

— Ванфэй, господин велел...

Чжаохуаю лестила забота князя, но он не терпел, когда за ним следили на каждом шагу. Он обернулся:

— Я что, преступник? Может, тебе еще завести «Записки о ванфэй» и докладывать господину о каждом моем вздохе?

Тёмный страж: «...»

Тот потерял дар речи. Поняв, что Ванфэй недоволен, он вынужден был отступить. Он надеялся, что его «орлиные очи» помогут издали понять, о чем идет речь, но стоило ему занять позицию, как Чжаохуай одарил его таким взглядом, что бедняга попятился еще на десяток шагов.

Убедившись, что их никто не слышит, юноша произнес:

— Говори.

Чу Чжаоцзян был напрочь лишен совести. Избалованный до крайности, он привык получать всё и сразу. Его речи всегда поражали своей нелепостью, и Чжаохуай решил послушать, что за вздор тот выдаст на этот раз.

Сяо-хоуе внезапно бросился вперед и вцепился в плечи брата. Взгляд его был безумен:

— Брат! Слышишь, старший брат! Убей для меня Цзи Сюня! Пожалуйста!

Чу Чжаохуай: «...»

Это было свежо, ничего не скажешь.

— Брат! Мы оба носим фамилию Чу! В наших жилах течет одна кровь! — Чжаоцзян ухватился за него, как утопающий за соломинку. Глаза его наполнились слезами. — Цзи Сюнь так унижил меня... Я хочу его смерти! Брат, в столице говорят, что он души в тебе не чаёт, а ты ведь так красив... Ты же лекарь, не так ли? Неужто не можешь дать ему такое лекарство, чтобы он больше не проснулся?!

Чжаохуай: «...»

Видя, что тот окончательно лишился рассудка, юноша попытался отстраниться:

— Успокойся.

— Как мне успокоиться?! — взревел Чжаоцзян. Он сорвал перчатку, обнажая изувеченную кисть без двух пальцев. — Как мне быть спокойным, видя это?! Я хочу содрать с него кожу, хочу, чтобы он вечно мучился в аду! Я...

Хлоп!

Чжаохуай, не моргнув и глазом, отвесил ему звонкую оплеуху.

Чжаоцзян застыл, ошарашенно глядя на него сквозь слезы. Юноша убрал руку и холодно произнес:

— Ну вот, видишь? Сразу успокоился.

— Ты не хочешь мне помочь? — пробормотал Чу Чжаоцзян.

— Я не стану поминать те гадости, что ты творил со мной в детстве, — Чжаохуай неспешно поправил рукава. — Но я помню, что ты желал мне смерти.

Тот замер. Всего полмесяца назад его брат был лишь деревенщиной из Цзяннани в грубом платье, без единого украшения, подкалывающим волосы обычной веткой. Даже слуги в усадьбе одевались достойнее.

Но теперь перед ним стоял другой человек. В роскошных одеждах, отороченных белоснежным мехом лисицы, он казался сияющей луной среди зимней стужи. В нем проступило величие, которого Чжаоцзян никогда не замечал прежде.

Он задрожал, осознав что-то, и поспешно выдохнул:

— Я не хотел твоей смерти. Никогда.

— Семь лет назад, на охоте, — ровным голосом произнес Чжаохуай. — Ты был совсем ребенком, но уже знал, как подсыпать приманку на мою шубу и заманить меня в лес к зверям.

— Я не помню этого! — Чжаоцзян побледнел и отчаянно затряс головой. — К тому же ты ведь выжил! За что ты меня ненавидишь? Разве это справедливо?

Чжаохуай едва не разобрал смех от такой наглости. С этим лжецом говорить было не о чем, и он развернулся, чтобы уйти.

Чжаоцзян снова завел свою волынку:

— Брат! Отец отказался помогать, неужто и ты бросишь меня?! Ты так печешься о Цзи Сюне...

Юноша нахмурился:

— Довольно бредить. Прочь с дороги!

Заметив его непреклонность, Чжаоцзян уставился ему в спину и внезапно выкрикнул:

— Ты ведь уже всё знаешь, верно?

Чжаохуай замер и медленно обернулся:

— О чем ты?

— Я твой родной брат. Даже если я злюсь, я бы никогда не отдал тебя на растерзание волкам!
— воскликнул Чжаоцзян, захлебываясь слезами. — Даже если бы он не выстрелил, я бы всё равно приказал своим людям спасти тебя! Брат... я правда не хотел тебя убивать.

Слушая этот бред, Чжаохуай внезапно уловил в нем крупницу истины. Он рванулся вперед, схватил Чжаоцзяна за горло и прижал к дереву.

— Ты знал, кто выпустил ту стрелу?! — прошипел он. — А мне сказал, что того человека не существовало!

Тот осекся, поняв, что сболтнул лишнего.

— Я жду ответа! — надавил Чжаохуай.

Чжаоцзян снова принялся строить из себя дурачка, заливаясь слезами:

— Брат, я же твой единственный брат, а ты бросаешь меня ради этого чудовища... Ему место в аду, а ты его защищаешь!

Чу Чжаохуай с отвращением посмотрел на него. Он понял, что правды от этого человека не дождешься. Он резко разжал пальцы и отвернулся.

— Брат!

— Еще раз подойдешь ко мне — убью, — бросил он, не оборачиваясь.

Словам Чу Чжаоцзяна нельзя было верить. Но был ли тем стрелком Цзи Сюнь — этот ответ он найдет сам.

<http://bllate.org/book/15341/1376910>